

Н.И. Тарасенко-Отрешков

**Посещение в Крыму армий
союзников и исчисление
потерь в людях и деньгах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Тарасенко-Отрешков**
Посещение в Крыму армий союзников и исчисление потерь в людях и деньгах
/ Н.И. Тарасенко-Отрешков – М.: Книга по Требованию, 2014. – 98 с.

ISBN 978-5-458-06473-6

Посещение в Крыму армий союзников и исчисление потерь в людях и деньгах, понесенных Францией, Англией и Пьемонтом в нынешнюю войну их против России.

ISBN 978-5-458-06473-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 6-го
Марта 1857 года.**

Ценсоръ *И. Лажечниковъ.*

I.

ПОСЛѢДНЕЕ МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ РУССКОЙ АРМІИ.

Осенью 1855 года главная квартира Русской Арміи, дѣйствовавшей въ Крыму, была переведена изъ-подъ Севастополя, сперва въ небольшую Татарскую деревню Орта-Каралесъ, а потомъ въ городъ Бакчисарай, гдѣ и получены были извѣстія о прекращеніи войны и объ окончательномъ заключеніи мира.

Бакчисарай находится отъ Севастополя въ тридцати верстахъ, и въ двухъ верстахъ въ сторону отъ большой почтовой дороги. Онъ лежитъ на ничтожномъ горномъ ручьѣ — Чурукъ-Су, что значитъ «грязный ручей».

Здѣсь всѣ ручьи имѣютъ весьма мутную и грязную воду, отъ глино-известковой почвы, которая легко растворяется въ водѣ. Но названіе «грязнаго» преимущественно принадлежитъ Чурукъ-Су по неизмѣнному свойству всякой рѣчки, текущей чрезъ селеніе, обитаемое Азіятскими народами. Къ счастью жителей Бакчисарая, ихъ Чурукъ-Су, повсюду весьма узкій и мелкій, имѣетъ теченіе довольно быстрое, особенно послѣ дождя. И городъ, и его грязный ручей, находятся въ ущельѣ, образуемомъ окрестными высотами. Отъ узкости ущелья, городъ вытянулся по ручью лентою, которая, только въ немногихъ мѣстахъ нѣсколько расширяясь, захватываетъ по возможности подъ жилища покатости самаго ущелья. Но эти захваты не доставляютъ городу ни широты, ни удобства: городъ тянется предлинною улицею, гдѣ съ трудомъ развѣзжаются два Татарскіе воза, запряженные волами, а чаще буйволами и верблюдами.

Только пламенное воображеніе А. С. Пушкина могло создать прелестныя описанія Бакчисарая съ его дворцами, садами, кладбищами и террасами, ни мало не похожія на дѣйствительность.

Не думаю, чтобы Бакчисарай даже и въ то время, когда

былъ столицею Крымскихъ хановъ, былъ лучше нынѣшняго. По всему вѣроятію, онъ былъ хуже. Во всякомъ случаѣ нынѣ Бакчисарай небольшой городъ, грязный, печальный. Народонаселеніе его состоитъ почти исключительно изъ Татаръ, неизмѣнно сохраняющихъ Азіатскіе нравы и обычаи, образъ жизни, одежду и пищу, со всеми предрасудками, невѣжествомъ, съ врожденною Азіатскою лѣнью, дѣлающею всякій трудъ невыносимымъ. Дома Бакчисарая малы и неудобны. Въ нихъ вмѣсто стеколъ вставлена масляная бумага; вмѣсто печей устроено нѣчто въ родъ очаговъ, съ прямою, широкою, незакрываемою трубою. Словомъ, это холодные, темные, сырые домики, расположенные безъ всякаго порядка по склонамъ ущелья, разбросанные по всемъ направленіямъ, нѣрѣдко окруженные не большими, но всегда неопратными садами. Эти человѣческія жилища строятъ, или точпѣ, дѣлаютъ изъ плетня, обмазаннаго глиною, нѣрѣдко изъ сыраго глинянаго кирпича; иногда изъ тонкихъ планокъ и досокъ, и почти никогда изъ бревенъ. Въ городѣ есть нѣсколько Греческихъ и Еврейскихъ, точнѣе Карaimскихъ, домовъ. Но только немногіе изъ нихъ лучше Татарскихъ. Дворецъ не великъ, въ Азіатскомъ вкусѣ. Сады его, состоящіе изъ четырехъ небольшихъ садиковъ, расположены на покатости ущелья, и каждый изъ нихъ обнесенъ заборомъ.

Въ главной и можно сказать единственной улицѣ Бакчисарая тянутся съ полсотни болѣе или менѣе ничтожныхъ лавочекъ или балаганчиковъ. Почти въ каждой изъ нихъ вы можете купить произведенія всѣхъ трехъ царствъ Крымской природы, съ примѣсью Московскихъ издѣлій самыхъ низкихъ разборовъ, расположенныя на грязномъ прилавкѣ, по которому ходитъ хозяинъ-Татаринъ въ возмутительно неопратной обуви. На этомъ грязномъ прилавкѣ, и на сосѣдней къ нему стѣнѣ, расположены въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ булки, табакъ, соль, глиняные кувшины, говядина, яблоки, виноградъ, жареная баранина деготь и сукно. Если къ этому прибавить около пятнадцати Татарскихъ молель, или мечетей, двѣ или три церкви и съ десятокъ весьма пространныхъ Татарскихъ клад-

бищъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ городъ ихъ разрушающимися памятниками, сдѣланными изъ туземнаго мягкаго камня, — то можно имѣть достаточное понятіе о Бакчисаравъ.

Здѣсь нѣтъ и тѣни общественной жизни, гражданственности; здѣсь нѣтъ и женщины. Конечно есть жены и дочери Татаръ. Но здѣшняя женщина, и по гражданскому и по семейному быту, и по образу жизни и даже по одеждѣ, вовсе не похожа на тѣ очаровательныя созданія, которыя представляютъ намъ поэты и живописцы. Въ дѣйствительности женщина у Татаръ доведена до послѣдней степени униженія. У бѣдныхъ она обречена на вѣчный, тяжкій, безотрадный трудъ; у богатыхъ — на постоянное затворничество, на вѣчную, томительную бездѣятельность; у тѣхъ и другихъ на совершенное ничтожество. У Татаръ женщина не подруга жизни мужчины, раздѣляющая его и радости и горе; она, можно сказать, даже не мать своимъ дѣтямъ, не родственница своей роднѣ и роднѣ мужа; словомъ, она не гражданка, не созданіе, одаренное разумомъ и волею, имѣющее свои права и обязанности. Мужъ стыдится имѣть, а и того менѣе выказать, естественную привязанность мужчины къ женщинѣ, къ своей женѣ, къ матери своихъ дѣтей. Дѣти и того менѣе уважаютъ мать. Словомъ, это существо, которому недоступно всякое образованіе; существо, лишенное всѣхъ правъ, всѣхъ радостей семейнаго счастія; существо униженное, поставленное на послѣднюю степень рабства.

У Крымскихъ Татаръ до сихъ поръ женщина не показывается иначе, какъ закутанною въ весьма длинное, бѣлое покрывало. Оно сходитъ съ головы до коленъ, но драпировано такъ, чтобы оставалась щель для глазъ. Только старухи изъ простаго сословія, хотя также накидываютъ на голову покрывало, но иногда позволяютъ себѣ не вполне закрывать имъ лице. Бѣдныя у себя въ домѣ работаютъ безъ покрывала; но постоянно стараются закрывать, по возможности, лице, при входѣ постороннихъ людей. Даже для женщины простаго

состоянія явиться на улицъ безъ покрывала считается величайшимъ неприличіемъ.

Одежда Крымскихъ Татарокъ не красива и вообще далеко не богата, и лишена вкуса и граціи. Только ихъ головной уборъ можетъ служить исключеніемъ. Онъ состоитъ изъ круглой шапочки высокую съ ладонь. Она дѣлается большею частью изъ бархата, вышивается золотомъ или шелкомъ, и похожа на шапочку, которую носятъ Грузинки. Волоса у здѣшнихъ Татарокъ почти всегда заплетены въ маленькія косички, падающія изъ-подъ шапочки на плечи. Многія изъ молодыхъ и молодыхъ Татарокъ подкрашиваютъ волосы въ прекрасный темно-масаковый цвѣтъ; ногти красятъ въ пріятный для глазъ оранжевый цвѣтъ; брови чернятъ и притомъ такъ, чтобъ обѣ брови, безъ промежутка, составляли одну длинную бровь. Всѣ онѣ безъ исключенія натираются бѣлилами и румянами. Покрой платья похожъ на Персидскій; верхняя одежда не богатая, обыкновенно изъ дешевыхъ разборовъ Московскихъ шерстяныхъ тканей, цвѣта зеленого, рѣдко бѣлаго, и еще рѣже другихъ цвѣтовъ; покрывало постоянно безъ всякаго украшенія, изъ простаго бѣлаго коленкора; обувь изъ желтой юфти, и состоитъ изъ чулокъ, сшитыхъ изъ мягкой того же цвѣта юфти и изъ высокихъ башмаковъ въ родъ галошъ.

Поэтому наружная одежда Крымскихъ женщинъ бѣдна, однообразна въ цвѣтъ. Покрывало ихъ почти всегда не довольно опрятно; обувь, при нечистотѣ города и неупотребленіи тамъ экипажей, постоянно болѣе или менѣе грязна.

II.

СРАЖЕНИЕ 4-го АВГУСТА 1855 ГОДА.

Увеличивавшіяся болѣе и болѣе силы союзныхъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Севастополя, подали поводъ къ новому сраженію.

Оно дано было 4-го Августа 1855 года, въ недалекомъ разстояніи, и можно сказать въ виду самаго Севастополя, противъ Фодюхиныхъ Горъ, на узкой долианѣ, по которой течетъ Черная Рѣчка.

Нѣкоторые лица, особенно изъ иностранцевъ; полагаютъ, что сраженіе 4-го Августа имѣло неизбѣжнымъ послѣдствіемъ оставленіе нами самаго Севастополя, который вскорѣ послѣ того былъ сданъ непріятелю, а именно: 26-го, 27-го и 28-го того же Августа. Мы кажемся, что это мнѣніе не вполне точно.

Оставленіе Севастополя послѣдовало отъ самаго положенія его осады, то есть отъ совершенной невозможности дальнѣйшаго удержанія города, буквально превращеннаго въ совершенныя и повсемѣстныя развалины, города, на удержаніе котораго употреблены почти годовыя безпримѣрныя въ исторіи усилія; города, окруженнаго почти со всѣхъ сторонъ 125 баттареями, дѣйствовавшими безумолчно при 2,000 пушекъ, между которыми было 800 орудій большаго калибра, свезенныхъ съ кораблей; города, осажденнаго благоустроенною арміею въ 150,000 человекъ, владѣвшею не только всеми пособіями военнаго искусства, но и съ избыткомъ снабженною всеми припасами и потребностями. Словомъ, оставленіе Севастополя послѣдовало отъ собственнаго его положенія. Сраженіе же 4-го Августа хотя и близко предшествовало оставленію Севастополя, однако же составляетъ особенный грозный эпизодъ въ исторіи Крымской войны.

Въ это время главная квартира Русской арміи находилась на Инкерманскихъ Высотахъ, въ виду союзниковъ, въ разстояніи, по прямой линіи, около трехъ верстъ и еще ближе отъ того мѣста, гдѣ Черная Рѣчка впадаетъ въ Севастопольскій Заливъ.

Главная квартира Русской Арміи была раскинута вокругъ помѣщенія Главнокомандующаго, палатками, чьсломъ около ста, и нѣсколькими землянками. Вблизи, чрезъ дорогу, была расположена лагеремъ одна дивизія. Далѣе, между главною квартирою и Севастополемъ, по склонамъ высотъ, расположено было лагеремъ же въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько полковъ, а еще далѣе, ко взморью, близъ Сѣвернаго Укрѣпленія и Севастопольскаго Залива, былъ лагерь одного пѣхотнаго полка. Сзади, то есть съ другой стороны главной квартиры, верстахъ въ трехъ или четырехъ, по рѣчкѣ Бельбску, были расположены ближайшіе госпитали, куда особо учрежденные обозы ежедневно привозили раненыхъ изъ Севастополя. Налѣво отъ главной квартиры, по направленію Мекензіевой Горы, на разстояніи верстъ трехъ или четырехъ, также расположены были лагеремъ полки Русской арміи, до самой горы Мекензія. Между этою горою съ ея высотами и Фодюхивыми Горами, повывше помянутой узкой долины, течетъ Черная Рѣчка. Она-то и составляла границу между Русскою арміею и непріятелемъ.

На той сторонѣ Черной Рѣчки, на покатоствяхъ самыхъ Фодюхивыхъ Горъ и далѣе по сосѣднимъ высотамъ и ихъ скаламъ, были расположены лагеря армій Французской, Англійской и Сардинской. Съ нѣкоторыхъ мѣстъ отъ насъ можно было видѣть простымъ глазомъ многіе изъ лагерей союзныхъ армій, и даже часть моря, если не ошибаюсь, мѣста, ближайшаго къ Балаклавѣ.

Приведу здѣсь вкратцѣ въ путевыхъ моихъ записокъ описаніе кроваваго сраженія 4-го Августа.

2-го Августа 1855 года. — Главная квартира у Севастополя на Инкерманскихъ Высотахъ.

Вчера и третьяго дня подошли къ главной квартирѣ Русской Арміи нѣсколько полковъ пѣхоты и даже кавалеріи, а также Курская Дружина. Эти войска и артиллерія стали стягиваться по направленію къ Мекензійской Горѣ, или точнѣе мѣсту, называемому Мекензійевымъ Хуторомъ. Въ окрестностяхъ его помянутыя войска пошли расположиться лагерями.

Этотъ приходъ войскъ и нѣкая видимыя распоряженія пачальства болѣе и болѣе утверждали въ томъ, что въ самомъ непредѣлительномъ времени должно быть болѣе шое дѣло.

Главнокомандующій, Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, продолжаетъ, какъ и прежде, безпрерывно принимать и утромъ и вечеромъ многихъ лицъ, явившихся по дѣламъ службы, а также доклады по своимъ канцеляріямъ. Не замѣтно въ дѣйствіяхъ Князя Михаила Дмитріевича ни какой перемѣны. Однако же въ послѣдніе дни князь сталъ ѣздить всякій день часа на четыре и болѣе къ главной квартирѣ на Мекензійскую Гору, для осмотра окрестныхъ мѣстъ; еще чаще въ послѣднее время сталъ ѣздить въ самый Севастополь. Эту поездку обыкновенно дѣлаетъ онъ послѣ обѣда. Къ вечеру всегда увеличивается стрельба съ непріятельскихъ баттарей, опоясывающихъ Севастополь. Естественно, что эти поездки Главнокомандующаго причаляютъ безпокойство въ главной квартирѣ, тѣмъ болѣе, что армія ему предана, и полагаетъ на него все свои надежды. Притомъ въ послѣдніе дни недѣли дѣйствія осадныхъ баттарей противъ Севастополя болѣе и болѣе усиливаются, и самый входъ въ Севастополь, съ нашей стороны, то есть отъ Сѣвернаго Укрѣпленія, по вновь построенному мосту чрезъ Севастопольскій Заливъ, становится болѣе и болѣе опаснымъ. Сверхъ того всякій разъ по прибытіи въ Севастополь, Главнокомандующій непременно осматриваетъ

лично Севастопольскія баттарей и инженерныя работы, и, по известной своей неустрашимости, при этихъ осмотрахъ подвергается непрерывнымъ опасностямъ.

3-го Августа. Главная квартира тамъ же.

Сегодня, рано утромъ, Главнокомандующій приказалъ мнѣ передать нѣкоторыя бумаги по службѣ только что прѣхавшему сюда Г. А.—Я нашелъ его въ плетневомъ навѣсѣ, сдѣланномъ у самой землянки начальника главнаго штаба, находящейся въ десяти шагахъ, насупротивъ жилища Главнокомандующаго. Вскорѣ пришелъ туда Генераль-Адъютантъ Баронъ Вревскій. Тамъ мы оставались около двухъ часовъ. Генераль Вревскій былъ въ веселомъ расположеніи духа, и часто принималъ участіе въ нашемъ разговорѣ по дѣлу. Конечно, я не полагаю, чтобы это было накануне его смерти.

Генераль Вревскій за нѣсколько недель предъ тѣмъ былъ присланъ изъ Петербурга къ Главнокомандующему. Палатку его поставили рядомъ съ жилищемъ Главнокомандующаго, у котораго онъ постоянно обѣдалъ и весьма часто бывалъ. Занятія Генерала Вревскаго оставляли ему довольно свободнаго времени, и потому нѣкоторые изъ живущихъ здѣсь часто навѣщали его; въ числѣ ихъ былъ и я. Отъ меня же онъ заимствовалъ и книги, которыя здѣсь, конечно, не легко имѣть.

Сегодня утромъ знали уже положительно, что на другой день будетъ сраженіе. Главнокомандующій обыкновенно обѣдаетъ около четырехъ часовъ. Сегодня объявленъ столъ въ два часа. Послѣ обѣда Главнокомандующій, съ своимъ штабомъ, уѣхалъ на Мекензіеву Гору, откуда утромъ должно начаться дѣло.

Палатка и вещи Генерала Вревскаго отправились туда уже съ утра, и потому, какъ онъ выразился, онъ остается птичкой на веткѣ безъ крова. Послѣ обѣда онъ оставался въ столовомъ навѣсѣ. Этотъ навѣсъ, сдѣ-